

Иванов М. В. Проблемы истории и французская революция в творчестве Карамзина 1790-х гг. // Русская литература. 1974. № 2. С. 134–142.

Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. И. О. Лосского. М. : Мысль, 1994.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л. : Наука, 1987.

Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М. : Книга, 1987.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л. : Наука, 1987. С. 525–606.

Макогоненко Г. П. Из истории формирования историзма в русской литературе // XVIII век. Сб. 13. Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX в. Л. : Наука, 1981. С. 3–65.

УДК 821.161.1-31(Гоголь Н. В.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)52-8,44

Ю.А. Забуряева

*(Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Москва, Россия)*

МОТИВ РАЗРУШЕНИЯ СЕМЬИ И ДОМА В ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ

Аннотация. Статья посвящена проблеме разрушения домашнего уклада и семейных ценностей героев произведений Н.В. Гоголя. Посредством анализа психологии героев рассматривается связь между описаниями образа дома и характером персонажей. На примере трех авторских произведений: «Старосветские помещики», «Майская ночь, или Утопленница», «Мертвые души» – проанализирована тема семьи и дома, приводящая к проблеме вырождения гоголевского персонажа и деградации окружающего его мира.

Ключевые слова: русская литература, русские писатели, литературное творчество, литературные образы, литературные мотивы, литературные сюжеты, семейные отношения.

Образ семьи и домашнего очага является одним из наиболее частотных в русской художественной литературе. Начиная с древних времен тема семьи и дома поднималась в различных фольклорных и древнерусских произведениях. Это, прежде всего, русские народные сказки, где образ семейного очага возникает практически в любой бытовой или волшебной сказке. Вспомним известное произведение далекой старины – «Повесть о Петре и Февронии», описывающее историю любви, верности и взаимоуважения супругов. В жанре житийной литературы жизнеописание святого начинается с упоминания о благочестии его родителей. Веками традиционным сводом правил о поведении человека в семье и быту признавался «Домострой». Книга, написанная протопопом Сильвестром в XVI веке, послужила русскому семьянину руководством, наставляющим, как по-доброму построить дом свой, наладить семейный уклад и правильно воспитать детей. Даже в век классицизма, когда служение государству и его интересам занимает первое место в русской литературе, возникает образ семьи. Крупные писатели XVIII века обращаются в своих произведениях к семейной теме, прежде всего, стоит вспомнить фонвизинского «Недоросля» или хрестоматийные повести Н.М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» и «Бедная Лиза».

С началом XIX века интерес к семейной теме лишь усиливается. Образ дома и семьи проходит сквозной линией в русской художественной литературе на протяжении всего столетия, начиная с изображения патриархального уклада А.С. Пушкиным и заканчивая «мыслью семейной» Л.Н. Толстого.

Семейную тему затрагивал в своем творчестве и Н.В. Гоголь. Будучи выходцем из большой семьи, писатель, к большому удивлению, зачастую пренебрегал описаниями счастливой семейной жизни. Во многих гоголевских произведениях можно заметить отказ от традиционного в отечественной литературе изображения семьи, выявить деструктивную силу, постепенно уничтожающую домашний очаг, нередко оказывающую разрушительное воздействие на самих героев.

А.М. Ремизов в книге «Огонь вещей» писал: «В "Старосветских помещиках" изображается райская безмятежная жизнь, ясная и спокойная человека доброго, радушного и чистосердечного» [Ремизов 1954: 11.]. Пожилая чета помещиков предстает перед читателем в своем тихом домашнем мирке, границы которого определяются домом с кухней, полной съестных припасов, кладовой и садом: «...низенький домик с галереєю из маленьких почернелых деревянных столбиков... За ним душистая черемуха, целые ряды низеньких фруктовых дерев» и просторный двор с «протоптанною дорожкой от амбара до кухни и от кухни до барских покоев» [Гоголь 2009: Т. 2, 281]. На первый взгляд – настоящая райская жизнь хлебосольных хозяев. Тем не менее, в беспечной повседневности Пульхерии Ивановны и Афанасия Ивановича уже в начале повести предугадываются элементы дальнейшего разрушения быта героев. Основное занятие старосветских бездетных (что уже свидетельствует о дальнейшем разрушении семьи: нет потомков, следовательно, невозможно продолжение рода) помещиков – удовлетворение базовых физических потребностей. Еда и сон ограничивают кругозор обывателей «райского» уголка. Отсюда праздное существование, лишенное интересов к внешнему миру. Неудивительно, что смерть Пульхерии Ивановны приходит к ней в виде кошки – обитательницы мира «внешнего», дикого. Все, что связано с переходом через границу дома и двора, кажется страшным и чуждым помещице. Возвращение блудной кошки домой свидетельствует о проникновении зла, чужеродного духа в мирную обитель домочадцев. Боязнь внешнего мира, его влияния на привычную бездеятельную жизнь заставляет Пульхерию Ивановну принять биологический инстинкт животного за недоброе предзнаменование, что приводит к самовнушению трагического исхода и вызывает нежелание помещицы бороться за жизнь. Смерть Пульхерии Ивановны происходит не из-за мистического проникновения извне, а из-за одержимости героини навязчивой идеей.

Опустевший дом и осиротевший Афанасий Иванович приходят в состояние «запущения». При этом не просто

разрушается внешний облик дома и внутренняя обстановка, но и вид самого хозяина оставляет желать лучшего: разрушенные частокол и плетень, барбосы и бровки с перебитыми ногами и обвешанными репейником хвостами, наконец, сам хозяин дома, согнувшийся «вдвое против прежнего». Райский уголок превращается в пустырь, сад позади дома и безмятежный сад в душе старого помещика, некогда «выращенный» заботами супруги, приходят в запустение. Единственным выходом для несчастного помещика, потерявшего последнюю ниточку, соединявшую его с окружающей действительностью, становится уход из жизни.

В отличие от «Старосветских помещиков», в другой гоголевской повести «Майская ночь, или Утопленница» разрушение семьи происходит за счет внешних сил. В основе истории о ясной панночке лежит распространенный сюжет русских народных сказок: притеснение бедной падчерицы злой мачехой. Важно отметить общую деталь, встречающуюся в обоих гоголевских произведениях, – образ кошки как предвестницы несчастий. В первом случае одичавшая серенькая кошка, вернувшаяся к Пульхерии Ивановне, – лишь знак судьбы, предвещающий беду, и то, по сути, в сознании самой помещицы. В «Майской ночи» черная кошка – сила, разрушающая семейный очаг. Первый шаг к разрушению семьи совершает мачеха-ведьма, выжив падчерицу из собственного дома. Это служит толчком к решению панночки покончить жизнь самоубийством, совершить грех самоуничтожения. Однако самоубийство героини не осуждается автором, наоборот, вызывает сожаление. Мотив греха отходит на второй план, как бы оправдывается автором в силу уже совершенного мачехой разрыва семейных связей.

Читатель не наблюдает деградацию дома в произведении. Описание ветхого опустевшего жилья автор дает как своего рода предысторию к легенде о судьбе ясноокой панночки: «возле леса, на горе, дремал с закрытыми ставнями старый деревянный дом; мох и дикая трава покрывали его крышу; кудрявые яблони разрослись перед его окнами; лес <...> бросал на него дикую мрачность» [Гоголь 2009: Т. 1, 130]. Если в

«Старосветских помещиках» можно наблюдать за разрушением имения семьи Товстогуб, то в повести «Майская ночь, или Утопленница» автор лишает читателя такой возможности, лишь намекая на прошлое благополучие дома через описание родственных отношений между дочерью и отцом.

Вырождение не одной семьи, а фактически целой деревни мастерски изображено Н.В. Гоголем в описании жалкого вида имения помещика Плюшкина. Главный герой поэмы «Мертвые души» при въезде в деревню видит весьма печальную картину. «Жизнь, кажется, покинула имение Степана Плюшкина. Увечность, дряхлость, болезненность проявляется уже с первых строк описания его поместья» [Маурина 2009: 73]. Мрачности открывающейся картины добавляет изображение господского дома: «каким-то дряхлым инвалидом глядел сей странный замок, длинный, длинный непомерно» [Гоголь 2009: Т. 5, 109].

Внешний образ дома зачастую гармонирует с внутренним душевным миром своих хозяев. Прием создания художественного образа персонажа через описание окружающей его обстановки писатель мастерски использует на протяжении всего первого тома «Мертвых душ». Дом в поэме Н.В. Гоголя выполняет характерообразующую функцию: состояние жилища предугадывает особенности его обитателей. Удивительно описаны облик дома и внешность его хозяина: начиная от внешнего изображения жилища, автор переводит внимание на внешность персонажа, как бы мысленно сравнивая их. Буквально то же самое происходит с описанием сначала внутреннего пространства дома, а затем наблюдения за поведением и самого Плюшкина. Все это подтверждает мысли Чичикова о том, что едва ли еще где найдется такая «прореха на человечестве». В образе Плюшкина деградация личности помещика достигает значительного размаха.

Постепенное разрушение семьи дома Плюшкиных описано в динамике. Рассказ автора о процветающем уюте и благополучии в хозяйском доме, его домочадцах дан после знакомства с Плюшкиным. Сравнение, помещенное в середину главы, лишь усиливает впечатление малозначительности помещика и его жилья. Мотив разрушения семьи находится в

тесной связи с образом героя поэмы. Правильнее было бы сказать, что первое вытекает из второго. Будь склад мышления и нрав Плюшкина другими, такой печальной картины можно было бы избежать. Помещик разрывает отношения с членами своей семьи, фактически отрекаясь от собственных детей, более того, он саморазрушается. Обрекший себя на жалкое существование, герой теряет ценные личностные качества. Здесь нет внешней разрушающей силы, распад семьи и морально-нравственного мира человека происходит по вине самого персонажа, ставшего жертвой собственной скарденности и скупости. Однако стоит оговориться по поводу столь резких суждений в адрес гоголевского персонажа. По замыслу Гоголя, в Плюшкине сохраняется и потенциал к возрождению, что свидетельствует о надежде на возвращение героя поэмы к человеческой жизни. Тем не менее, в первом томе «Мертвых душ» перед читателем предстает лишь крушение патриархального устоя жизни Плюшкина.

Гоголь психологически точно показывает состояние героев произведений, тонко связывая образ жилья с душевными переживаниями персонажей. «Дом выполняет существенную роль в процессах идентификации, наделяя домочадцев стабильными и непреходящими чертами их облика» [Климова: URL]. Деградация образа дома является прямым следствием поведения, трансформации (как правило, в худшую сторону) самих героев произведений Н.В. Гоголя. Таким образом, можно отметить две силы, оказывающие разрушительное воздействие на окружающую действительность: внешняя губительная сила, подавляющая сознание и волю героя и уничтожающая его, и вина самого действующего лица, потерявшего со временем морально-нравственный облик. Все это приводит к проблеме одиночества и внутреннего кризиса героев, которая, в свою очередь, становится одной из причин уничтожения семейных ценностей, сформировавшихся на протяжении многих веков.

Литература

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем : в 17 т. М. : Изд-во Моск. Патриархии, 2009. Т. 1–2 / сост. и подг. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева.

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем : в 17 т. М. : Изд-во Моск. Патриархии, 2009. Т. 5 / сост. и подгот. текстов и комент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева.

Климова С. В. Социально-философские аспекты анализа архетипических функций дома. URL: <http://www.read.in.ua/book208191/> (дата обращения: 23.11.2017).

Маурина С. Ю. Мифологический образ дома Плюшкина в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Вестник Челябинского гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. 2010. № 5 (143) С. 73–75.

Ремизов А. М. Огонь вещей. Париж : Оплешник, 1954.

УДК 821.161.1-31(Достоевский Ф.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)52-8,444

В.О. Мезенцева

*(Северный Арктический федеральный университет
им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия)*

АМБИВАЛЕНТНЫЙ ХАРАКТЕР САКРАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»

Аннотация. Статья посвящена анализу сакральных образов в романе Ф.М. Достоевского «Подросток», их трансформации в сознании героев. Осмысливается проблема функциональности мира вещей в прозе писателя, раскрываются особенности амбивалентного характера таких сакральных предметов, как иконы и вериги, выявляется специфика изображения в романе процесса десакрализации священных предметов и профанации христианской веры. Десакрализация элементов «вещного мира» высшего порядка в произведении Достоевского оценивается как закономерное следствие девальвации в русском обществе истинных ценностей. В свете указанной проблемы выполнен анализ ряда эпизодов романа «Подросток», особое внимание уделяется образу Версилова, характеру его мировоззренческих поисков.

Ключевые слова: сакральный образ, вещный мир, анализ литературного произведения, русская литература, русские писатели, литературное творчество.